

Часть II

**ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА
И. А. ФЕДОСОВОЙ**

Творчество Ирины Андреевны Федосовой было трижды фиксировано собирателями — Е. В. Барсовым в 1867—1868 гг., О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1887 гг. и затем в 1895 г. писательницей А. Толиверовой. Записи Толиверовой, как говорилось выше, отрывочны — они были произведены со специфической целью — оживить, иллюстрировать очерк о Федосовой, задуманный для детского журнала «Игрушечка» — и поэтому, к сожалению, сравнительно мало обогащают наше представление об идеологическом смысле и художественных особенностях творчества Федосовой. Еще меньше дают они для характеристики специфических черт творчества Федосовой в 90-е годы по сравнению с 60-ми и 80-ми годами. Записи О. Х. Агреновой-Славянской несравненно богаче — два тома посвящены описанию свадебного обряда, в 3-м томе мы находим похоронные и рекрутские причитания, былины, исторические песни, баллады, духовные стихи, лирические песни, пословицы и величания-импровизации. К сожалению, качество записей Агреновой-Славянской значительно ниже качества записей Барсова.¹ Агренова-Славянская, повидимому, смутно представляла себе действительную жизнь причети, ее идеологическую и художественную специфику. Многие в этих записях говорят о том, что Федосова не импровизировала для собирательницы с такой же свободой как за

¹ Трудно сказать, в чем секрет неудачи собирательницы. Возможно, что основные ее усилия были направлены на запись мелодии. Записи же текстов небрежны — они плохо передают особенности восточно-заонежского диалекта, совершенно не отражают действительную структуру причети, так четко намеченную Е. В. Барсовым. Впрочем, по отзыву музыковедов (проф. Е. В. Гиппиус), и нотные записи стоят на невысоком уровне.

двадцать лет перед этим для Е. В. Барсова. Стеснительные условия тверского барского поместья, в которых производилась запись, необходимость импровизировать на темы, предложенные Агреновой (хотевшей записать напевы именно к текстам, записанным Барсовым, которые Федосова не могла, конечно, вспомнить), связали творческую инициативу сказительницы-поэтессы.

Тексты Федосовой в записи Агреновой попрежнему отмечены печатью большого таланта, но среди них нет ни одного шедевра, достойного встать рядом с «Плачем о писаре», «Об убитом громом-молвией», «О старосте», «О потопших» и другими лучшими текстами в записи Барсова. Характерно, что наибольший интерес исследователей в «Описании русской крестьянской свадьбы» вызывают обычно былины, исторические песни и баллады, т. е. тексты, принадлежащие к наименее импровизационным жанрам. Это дает лишний повод предположить, что Агренова-Славянская действительно не сумела создать нормальные условия записи. Вполне вероятно, что Барсову посчастливилось встретиться с Федосовой в пору наивысшего расцвета ее дарования. Агренова, записывавшая через 20 лет после него, узнала Федосову уже старой женщиной. Можно было бы предположить, что народная поэтесса была уже не способна творить с прежней силой. Однако от такого предположения удерживают нас многочисленные и совершенно единодушные отзывы слушателей выступлений Федосовой в 1895—1896 гг., т. е. еще через десять лет после «кольцовских» записей.

Качество записей Толиверовой и Агреновой, таким образом, ограничивает возможности точного выяснения характера творческой эволюции, которую несомненно проделала Федосова с 60-х по 90-е гг. Поэтому нам придется сосредоточить анализ поэтического мастерства и идеологического содержания творчества Федосовой на материале записей Барсова (1867—1868 гг.), лишь эпизодически привлекая записи двух других собирателей для разрешения основных проблем ее творчества в 60-е гг. прошлого века. Отдельные предположения о дальнейшем его развитии будут допускаться лишь в редких случаях. Отдавая себе ясный отчет в ограниченности возможных результатов такого изучения, мы не видим, тем не менее, других его путей (до обнаружения новых дополнительных материалов).

Г Л А В А 1¹

Итак, основные из известных нам текстов Федосовой записаны в 60-е гг. прошлого века.

60-е гг. XIX века — одно из самых бурных и совершенно исключительных по остроте политической ситуации десятилетий в истории русского крестьянства. Так называемая «освободительная реформа» 1861 г. вместо разрешения противоречий и умиротворения, которых жаждали ее авторы, принесла новое невиданное обострение политической жизни в стране. «Компромисс», о котором мечтали крепостники, явно не удался, он не остановил исторического развития. Началось бурное, полное противоречий развитие капитализма в России.

Как известно, реформа, проведенная крепостниками, не принесла крестьянам ни политического, ни экономического освобождения. «...«освободители» так повели дело, — писал В. И. Ленин, — что крестьяне вышли «на свободу» обобранные до нищеты... Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало».²

¹ Некоторые части этой и последующих глав изложены в нашей статье «И. А. Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода» в сб. «Русское народно-поэтическое творчество. Материал для изучения общественно-политических воззрений народа», Труды Института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1953, т. XX, стр. 90—126.

² Соч., т. XVII, стр. 65.

Своеобразие исторического развития Карелии в эту эпоху предопределялось тем, что в период феодализма частно-владельческая, помещичья форма крепостного права в силу ряда причин, анализировать которые не входит в нашу задачу, здесь совершенно не развивалась. Крестьяне Карелии в основной своей массе были «государственными крестьянами», т. е. находились в феодальной зависимости не у отдельных помещиков, а у феодально-крепостнического государства в целом, причем часть из них (Петрозаводский уезд) была приписана для несения феодальной повинности к Олонецким горным заводам. Вместе с тем, несомненно, что общий смысл «реформ» и общие закономерности пореформенного развития проявлялись и здесь с достаточной силой. Бывшие горнозаводские крестьяне вышли из реформы не менее, если не более, «ободранными», чем крестьяне других областей России. Реформа 60-х гг. «освободила» крестьян Карелии совершенно так же, как и крестьян центральных губерний, от земли. Закрепление за крестьянами определенных наделов и запрещение свободно пользоваться «лядинами» — подсечными запашками в казенных лесах — лишало олонецких крестьян значительной части земли, которую они фактически обрабатывали до «освобождения». Словом, при всем кажущемся различии, здесь прошла совершенно такая же «помещичья «чистка земель» для капитализма»,¹ о которой говорил В. И. Ленин.

На душу населения теперь приходилось здесь всего 4,4 десятины при среднем размере наделов в 5,8 десятины по 49 губерниям Европейской России.² Кроме того, следует учесть, что действительно пригодно к использованию было не более 17% всей закрепленной за крестьянами земли.³

Процесс передачи крестьян из горнозаводского ведомства в ведение мировых и земских учреждений, во главе которых было поставлено губернское по крестьянским делам присутствие, сопровождался постоянным ростом

---

¹ Соч., т. XIII, стр. 251.

² Никкули и М. Г., Государственные крестьяне в Карелии в период реформы 1838—1861 гг. (рукопись), стр. 156. См. архив Карело-Финского филиала АН СССР.

³ Молодыхов С. Ф., Карелия во второй половине XIX в. Сборник документов (рукопись), стр. 1, см. там же.

земских поборов, возраставших в эти годы с неменьшей быстротой, чем государственные подати. За десятилетие с 1857 по 1867 гг. увеличение оброчной подати производилось 5 раз — каждый раз на 5—10%.¹ К концу шестидесятих годов общая сумма обложения достигла 801 423 р. при официальной страховой ценности всех крестьянских дворов в губернии в 976 615 р. Ежегодные недоимки по губернии в эти же годы достигали 200 000 р. Следовательно, общая сумма годового обложения и недоимок превышала ценность крестьянского имущества в губернии.²

С каждым послереформенным годом положение крестьян становилось все тяжелее. Это усугублялось полосой недородов, начавшейся в 1861 г. и растянувшейся на 7 лет. Наибольшей силы голод достиг в 1867 г.³ Даже чиновничьи «Олонецкие Губернские Ведомости» не в силах были скрыть размеры голода и откровенно назвали 1867 г. «страшным годом».⁴ В утешение читателям они преподносили глубокомысленные «исторические» размышления, которые должны были доказать неизбежность наступления голодной полосы (от 3 до 7 лет) каждые 20—30 лет: «В настоящем же столетии, как запомнят старики... хлебный недород был около 1810 г., затем в 1832, 33, 34 гг. и, наконец, с 1861 по 1867 гг. В этом минувшем (1867 г. — *К. Ч.*) году урожай был здесь по официальным данным меньше на 220 000 четвертей против 1866, также недородного года. **1867 г. был год страшный для Олонецкой губернии** (подчеркнуто мной — *К. Ч.*), к великому утешению, думаем мы, и последний в настоя-

¹ См. Ходский, Очерк развития земельных отношений бывших государственных крестьян, Русская мысль, 1889, ноябрь. Следует отметить, что с 1814 по 1862 гг. государственные денежные повинности ежегодно возрастали в среднем на 16% (История России в XIX в., изд. Гранат, т. III, стр. 187).

² Молодков, там же, стр. 1 и 3.

³ В 1867 г. голод распространился по большинству северных и северо-восточных губерний — это было одной из причин отставки Валуева и образования Правительственного комитета под пред. наследника; см. Корнилов А. А., Крестьянская реформа, СПб., 1905, стр. 193—194.

⁴ О том же см. Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 3. «Тогда общество на минуту остановилось с праздным любопытством перед картиною предсмертной муки, умиравшего от голода, олонецкого «крестьянина».

щем недородном периоде».¹ В одном из ближайших номеров «Ведомостей» о том же пишет корреспондент из Петрозаводского уезда Лавров, а вслед за ним местный учитель и этнограф К. М. Петров. Именно в этом году газета напечатала на своих страницах получивший печальную известность рецепт приготовления хлеба из исландского мха. Лицемерный совет уповать на бога и печь хлеб из мха и коры — лучшее, что могло придумать губернское начальство.

В центральных газетах начинают все чаще появляться статьи о бедственном положении крестьян Олонецкой губернии. На одну из них, в газете «Москва», губернатор счел нужным дать официальный ответ, в котором, вместе с признанием значительности размеров голода, рассказывал в успокоение читателей о «мерах», принятых губернским начальством.² Однако эти «меры» не достигали своей цели. С 1864 г. по 1869 г. посевные площади упали с 180 000 дес. до 172 000 дес. Таким образом; после неурожая 1867 г. в губернии пустовало около 8 тыс. десятин.³ В 1868 г. крестьяне Шуйской и Салменижской волостей Петрозаводского уезда дважды (в апреле и мае) посылали ходоков к царю с прошением о выдаче им пособий, так как поля их оставались без посевов.⁴ По ироническому замечанию Федосовой: «Стали крестьяна разживаться, а от семян земли оставаться» (стр. 323).

Еще одно несчастье постигло в эти годы олонеккое крестьянство — в 1862—1868 гг. резко усилилась эпизоотия сибирской язвы, не покидавшей губернию уже несколько десятков лет.⁵ С наибольшей силой эпизоотия проявилась в том же 1867—1868 гг. В отчете за 1867 г. губернатор вынужден был признать: «Сибирская язва, появившаяся в 1867 г. в губернии, застала земство врас-

---

¹ Е. В. Барсов, О хлебных недородах, ОГВ, 1868, № 21. Содержательное описание бедствий олонекких крестьян в годы недорода (1861—1868 гг.) дал Н. Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» (1869), стр. 89—121.

² ОГВ, 1868, № 23 и 25.

³ См. Приклонский С. А., Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 13.

⁴ Никулин М. Г., там же, стр. 160.

⁵ См. статьи и заметки о сибирской язве в Ол. Губ. Вед. 1841, № 30; 1849, № 31; 1853, № 28; 1860, №№ 28 и 30; 1861, № 33; 1863, № 28; 1865, №№ 19, 15, 32; 1867, №№ 30, 31, 33; 1868, №№ 28, 30, 37; 1869, №№ 52, 55.

плох: на местах появления ее не было ни медиков, ни фельдшеров, ни медикаментов».¹

В том же 1867 г. началась эпидемия сыпного тифа — заболело 1120 чел. Дальнейшего распространения эпидемия, впрочем, не получила.

Разоренные реформой, недородом, эпидемиями и погромами крестьяне в эти годы бежали из деревень в город — в надежде приработать, в леса — чтобы спрятаться от «начальства». Бежали куда глаза глядят. Число паспортов, выданных на отлучки, достигает к 1871 г. значительной для малонаселенной губернии цифры — 14 750. Не меньшие размеры приобретает и неофициальное бегство. Так, в № 25 «Губернских Ведомостей» за 1868 г. сообщалось о побеге крестьян «в числе нескольких сот человек» на юг. Беженцы были задержаны в Вологде и возвращены этапным порядком «для водворения на прежних местах жительства». Об аналогичной попытке более пятисот олонецких крестьян переселиться в южные губернии сообщает и Флеровский в главе, специально посвященной Олонецкой и Архангельской губерниям.²

Тяжесть положения разоренных недородом крестьян усугублялась еще и тем, что «реформа» растянулась почти на 20 лет, т. е. вдвое дольше, чем это было предусмотрено указом от 28 января 1863 г., и в 10 раз по сравнению с первым указом о реформе государственных крестьян от 8 марта 1861 г.³ Исполнение «реформы» затягивало само правительство.⁴

Передача крестьян мировым учреждениям началась фактически лишь в конце 1866 г. «Олонецкие Губернские Ведомости» (№ 27, стр. 492) опубликовали официальное сообщение о правительственном указе. Одновременно было объявлено распоряжение губернатора об образовании мировых участков по всем уездам губернии. 27 августа последовало назначение мировых посредников по

---

¹ Гос. архив КФССР, фонд Губ. Статистического Комитета, связка 7/93.

² Флеровский, стр. 89 и сл.

³ Никулин, там же, стр. 140.

⁴ Административное «устройство» государственных крестьян началось по правительственному указанию лишь с 18 января 1866 г., земельное «устройство» — лишь с 24 ноября 1866 г.

каждому участку. Вместо всевластия окружного начальника министерства государственных имуществ попечителем и по существу хозяином над государственными крестьянами становился мировой посредник из тех же чиновников. В обязанности мирового посредника входило не только посредничество при новом межевании земель и выдача уставных или владенных грамот. Он был наделен фискальными полномочиями, обладая при этом не только полицейской, но и судебной властью над крестьянами (опека над волостными судами). В официальном обзоре «хода крестьянского дела» в губернии чиновник Губернского Управления Ю. Булах писал: «Взыскание оброчных и казенных недоимок производилось волостным и сельским начальством с временнообязанных крестьян также довольно успешно под наблюдением мировых посредников, различная деятельность которых высказывалась тут более или менее наглядным образом, особенно в отношении оброчных недоимок».¹

В Приложениях к «Олонецким Губернским Ведомостям» в эти годы постоянно публикуются красочные материалы судебных и ведомственных разбирательств «недоразумений», возникших в связи с деятельностью мировых посредников, «успешно» взыскивавших подати. Взаимоотношения между крестьянами и мировыми посредниками с первых же дней стали крайне напряженными.²

Учреждение института мировых посредников означало для крестьян Карелии начало нового этапа ограничения прав общины на самоуправление. Эти «права», особенно после реформы П. Д. Киселева 1838—1843 гг., были весьма относительными и по существу иллюзорными, но попрежнему высоко ценились олонецкими крестьянами. Реформа П. Д. Киселева, помимо целого ряда экономических мероприятий, включала и весьма значительные изменения системы местного самоуправления, которые

---

¹ См. Булах Ю., Краткий очерк хода крестьянского дела в Олонецкой губернии на 1 ноября 1863 г., Памятная книжка Олонецкой губернии за 1864 г., стр. 114 и др.

² Неудивительно, что Л. Н. Толстой, назначенный было мировым посредником в Тульской губернии и пытавшийся защищать интересы крестьян, был не только немедленно отстранен от должности, но и отдан под надзор III Отделения (см. С. Бычков, Толстой и проблема народа (50—60 гг.), в сб. «Историко-литературный сборник», М., 1947, стр. 409).

были направлены на преодоление традиционной «самостоятельности» крестьянского внутриобщинного самоуправления путем превращения крестьянских выборных в правительственных чиновников. В конечном счете реформа П. Д. Киселева противопоставила общине — волость. Однако деревенские старосты формально оставались попрежнему ставленниками крестьян. Реформы 60-х гг. окончательно лишали общину административной самостоятельности.

Создание согласно реформе 40-х гг. окружных управлений параллельно с существующей земской полицией было фактическим уничтожением т. н. «самостоятельности» крестьянских общин и в вопросах внутриобщинного порядка. В 60-е гг. сдвоенная полицейско-судебно-фискальная власть мирового посредника и станового пристава довела начатое графом Киселевым до конца.¹

Запрещение пользоваться «лядинами», увеличение поборов и систематическое вмешательство во внутренние дела общины затронули как бедняцкие слои, так и кулацкую верхушку деревни. Поэтому неудивительно, что мировые посредники, бесчеловечные исполнители всероссийского «обдирания до нищеты», нередко встречали единодушное сопротивление своим распоряжениям всего крестьянского «мира» со старостой во главе. Так, в отчете олонечского губернатора за 1869 г. отмечалось 160 случаев сопротивления властям, за которые было осуждено 297 крестьян.²

Так, например, в 1869 г. разбиралось дело о предании суду лижемского сельского старосты Полозова по отношению мирового посредника второго участка Петроза-

---

¹ Бурджалов Э. Н., Яковлев Н. Н., Городецкий Е. Н., Мянц И. И., История СССР. Учебное пособие ВПШ при ЦК ВКП(б), стр. 204—205. Параллельно с посредниками «действовало» полицейское управление, в волости — становой пристав. В результате земской реформы появилась земская управа. В волости над крестьянином стояли: волостной старшина, староста, волостной суд. После судебной реформы появились мировые судьи. Сложная система дореформенных и вновь возникших органов власти создавала в представлении крестьян большую путаницу. «Извольте объяснить крестьянину, в огромном большинстве безграмотному, различие властей волостного суда, старшины, станового пристава, мирового посредника, земской управы, мирового судьи, когда « наш брат с грехом пополам в состоянии усвоить себе эти тонкости» — писал «Современник» (там же, стр. 118).

² Архив КФ филиала АН СССР, стр. 69.

водского уезда¹, в том же году слушалось дело о сопротивлении приставу и старшине в Пудоожском уезде,² в 1870 г. — дело об отказе от уплаты податей крестьянами Пудоожского уезда, на почве которого произошло столкновение крестьян с мировым посредником,³ «дело об отказе от выполнения распоряжений начальства»⁴ и т. д. Олонецкие крестьяне (подобно крестьянам других областей России), сталкивавшиеся в эти годы с действиями мировых посредников, видели в них представителей помещичьего государства, ничем существенным не отличавшихся от дореформенных чиновников, столь же беспощадно выколачивавших подати. Более того, действия мировых посредников воспринимались теперь, после объявления т. н. «воли», еще острее.

Об одном из таких случаев в Кузаранде и рассказала Федосова в «Плаче о старосте» (см. ниже).

«Ни в одной стране в мире, — писал В. И. Ленин, — крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России. Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».⁵ С другой стороны, Ленин отмечал, что «реформа 1861 г. осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования».⁶

Особенно обострились взаимоотношения губернского начальства и крестьян в тяжкие годы недорода и введения нового земельного устройства, то есть в 1866—1869 гг.

По свидетельству «Олонецких Губернских Ведомостей» «после неурожайных годов 1867 и 1868 гг. и более или менее значительных потерь от сибирской язвы, недоимки по одним казенным окладам и неокладным сборам достигли в Олонецкой губернии 329 000 р., увеличившись

---

¹ Государственный архив КФССР, фонд Губернского по крестьянским делам присутствия, св. № 27/982.

² Молодьков, там же, № 58.

³ Там же, № 59.

⁴ Там же, № 60.

⁵ Соч., т. XVII, стр. 65.

⁶ Там же, стр. 90.

против предшествовавшего 1866 г. на 136 000 р.»¹ Основные усилия мировых посредников в эти годы и были направлены на выколачивание возраставших недоимок.

Таково было положение олонецкого крестьянства в пору, когда Барсов отыскал Федосову в Петрозаводске и начал записывать от нее тексты, составившие впоследствии трехтомный сборник «Причитаний Северного края».

Таким образом, ситуация, создававшаяся в Олонечкой губернии во второй половине 60-х гг. XIX века, при всех ее специфических чертах была типичной пореформенной ситуацией. Следовательно, мы вправе ожидать, что в творчестве Федосовой встретимся с поэтическим отражением именно общих закономерностей развития мировоззрения крестьянства пореформенной поры (естественно в формах и образах, свойственных и близких олонечкому крестьянству).

Г Л А В А 2

Для правильного истолкования творчества Ирины Андреевны Федосовой в 60-е гг. необходимо прежде всего помнить, что все ее тексты, которые мы знаем по сборнику Барсова, записаны в «страшный» 1867 г. и следовавший за ним, немногим менее тяжелый для олонечкого крестьянства, 1868 г. Только при учете этой обстановки станет понятной та необычайная социальная напряженность, которая поражает нас при первом же знакомстве с текстами Федосовой. Только тогда получают свое объяснение и цензурные пропуски² в томе сборника, и то горячее одобрение, с которым руководители «Отечественных записок» — Некрасов и Михайловский — приветствовали его появление.

¹ Олонечские Губ. Ведомости, 1875, № 40.

² Особенно I том изобилует выдержками, имеющими, очевидно, различное происхождение. Всего по тому мы насчитываем 21 выдержку, из которых девять явно цензурного происхождения стр. 104(2), 106, 122(2), 123, 185, 196, 214, 215, 220, 252, 258, 262, 264, 267, 282, 286, 287, 288, 297, 298, из них явно цензурные — стр. 106, 123, 196, 252, 262, 286, 287, 288, 297. Кроме того, обращает на себя внимание заголовок текста № 20 «Из плача о писаре». Таким образом, оправдывается предположение В. И. Ленина о том, что в действительности тексты И. А. Федосовой звучали с еще большей остротой, чем это следует из сборника Е. В. Барсова. К сожалению, восстановление этих пропусков невозможно, т. к. подлинники записей не сохранились.